

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Петербургскій калейдоскопъ и московскіе «машинники». — 2) Крестьянскіе гласные въ Кологривскомъ земскомъ собраніи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Письма пзъ Австрійской Украны, II. — 4) Восемнадцатъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, III. З. С. 5) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, II—III. В. Мак. — 6) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу, II, Argus. — 7) Рабочій день и фабричное законодательство. В. Г. — 8) Изъ бумагъ редакціи «Колокола»: I. Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. Н. Герцену. — 9) Извѣстія и замѣтки: Голодный протестъ въ Одесской тюрьмѣ. — Прокламація въ Одессѣ. — О студенческихъ волненіяхъ въ Казани. — Русская полиція въ Румыніи. — Толстой Христосъ и Толстой-Каафа. — Судъ русскихъ газетъ о Гамбеттѣ. — Лионскій процессъ такъ наз. интернаціоналистовъ-анархистовъ.

Женева, 1 февраля 1883.

Изъ Петербурга опять идутъ вѣсти о томъ, что стеклышки придворно-административнаго калейдоскона опять завертѣлись. Говорятъ, что тамъ предетонть смѣна не только г. Набокова и Вунге, но и г. Толстого и даже г. Побѣдоносцева. На мѣсто г. Толстого будто бы имѣются кандидаты: ген. Дренгелъ или князь Дондуковъ-Корсаковъ. Другіе говорятъ, что царь изъявилъ желаніе совѣтоваться съ триадою г. Лорисъ-Меликова, г. Дм. Милютина и г. Абазы, если еще не вручить имъ правленіе. Наконецъ увѣряютъ, что будто бы имѣется въ виду, по удаленіи г. Толстого, образовать «дѣловой», не-политическій кабинетъ, который-де будетъ переходомъ къ «политическому» кабинету — г. Игнатъева. (Интересно было бы посмотреть на «дѣловаго» человека, который бы номѣтился между такими двумя кабинетами: — храни-бездѣльнымъ и болтливо-бездѣльническимъ!)

Должно быть въ этихъ вѣстяхъ о возвращеніи петербургскаго калейдоскона есть какая нибудь доля правды, судя по тому, что Эгерія г. Толстого, г. Катковъ сталъ ворчливѣе и недоволенъ правительствомъ, недоволенъ и произнесеніи истинно «крамольническихъ» рѣчей. Познакомый съ истиннымъ ходомъ дѣлъ въ Россіи и слышавшій, что въ Россіи правительство самодержавное, даже удивится, какъ это г-ну Каткову сходятъ его крамольныя рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ, — прочтите, напр., распоряженіе о закрытіи «Страны», написанное, кстати сказать, съ небывалою обстоятельностью, показывающее, что оно писалось не столько для публики, среди которой врядъ ли практично было для г. Толстого распространять посредствомъ «Правительственнаго Вѣстника» идеи запрещаемой газеты, сколько

ко для царя, которому надо было показать, отъ какой крамолы спасаетъ его бдительный министръ. Оказывается, что «Страна» запрещена за то, что она стремилась «представить общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ», что въ первомъ номерѣ этой газеты «съ непозволительною дерзостью заявляется объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ искренности и сколько нибудь рациональныхъ, приведенныхъ въ систему идей, о господствѣ у насъ правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недоумія». Посмотрите же теперь финаль передовой статьи въ 5 №-рѣ «Московскихъ Вѣдомостей», вышедшей въ тотъ самый день, когда подписано было г. Толстымъ распоряженіе о закрытіи «Страны», — и вы увидите, какъ газета г. Каткова, похваливъ Германію за то, что у нея «есть правительство, которое не становится игрой интригъ, которое знаетъ, что хочетъ, и дѣйствуетъ съ неуклонною послѣдовательностію», заявляетъ, даже не косвенно, а прямо, что въ Россіи правительство не знаетъ, чего хочетъ, и даже пѣчто худшее. Начинаетъ г. Катковъ, конечно, съ «ингиллистовъ», — но зло видитъ не въ нихъ, а въ самомъ правительствѣ. Ингиллисты, говоритъ онъ, не то что пѣмекіе соціаль-демократы; ингиллисты «искусственно сфабрикованы изъ школьной молодежи въ цѣляхъ темной, злоумышленной интриги, враждебной русскому государству. Это главнымъ образомъ заключается не въ ингиллистахъ, а въ томъ, что все русское интеллигентное, или попросту сказать, умѣющее читать общество въ Россіи находится подъ постояннымъ, ежедневнымъ, невозбратнымъ дѣйствіемъ того же злоумышленного обмана, который держитъ для своихъ цѣлей и шайку ингиллистовъ. Зло въ томъ, что общество деморализовано, не видя ни въ законодательственныхъ мѣрахъ, ни правительственныхъ дѣйствіяхъ руководящего для себя начала. Общество поспитывается и направляется государствомъ. Если народъ не чувствуетъ твердыхъ указаній для себя и держится то въ одну сторону, то въ другую, въ немъ никнетъ духъ, и онъ легко потомъ становится жертвой всякаго обмана...» (Многоточіе принадлежитъ самимъ «М. В.».)

Гдѣ интрига? Г. Катковъ ясно не говорить, а только намекаетъ — и намекаетъ довольно противорѣчиво. Что «ингиллисты» (въ значительной степени, по крайней мѣрѣ) сфабрикованы искусственно изъ учащейся молодежи,

— это теперь говорится и въ «ингиллистическихъ» признаніяхъ, — и намъ самимъ не трудно было бы доказать, что «ингиллисты» въ значительной степени сфабрикованы г. Шуваловымъ, Потаповымъ, Тимашевымъ, Толстымъ и т. д., какъ равно и то, что въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года гг. Толстой и Делиновъ, во время студенческихъ волненій, «сфабриковали ингиллистовъ». Но, очевидно, г. Катковъ хотѣлъ указать не на этихъ фабрикантовъ, а на какіхъ то другихъ, на какую то другую интригу (ипогда г. Катковъ зоветъ ее рукою), которая «сфабрикуетъ и держитъ для своихъ цѣлей ингиллистовъ». Мы могли бы сказать, что со стороны г. Каткова, по меньшей мѣрѣ, очень не великодушно, что онъ, твердя 20 лѣтъ о томъ, что знаетъ такую «Руку — Интригу», не называлъ ее прямо по имени и отчеству, а все только намекалъ на нее, если бы мы не знали, что разговоры г. Каткова о таинственной «Руцѣ-Интригѣ» ничто иное, какъ только пріемъ, рассчитанный на слабыя мозги людей извѣстныхъ сферъ, а потому обратимся ко второму его намеку. Этотъ намекъ, заключающійся въ словахъ о ежедневно читающей публикѣ, указываетъ какъ бы на то, что «Рука-Интрига» проявляетъ себя въ печати, будто бы «невозбранно-дѣйствующей». Но и печать слишкомъ многорука, чтобъ быть ей самой «Рукой-Интригой». Во всякомъ случаѣ, если намекъ г. Каткова о «Руцѣ-Интригѣ» и темны, то «безотрадный» взглядъ его на правительство вполне ясенъ въ концѣ приведенной тирады: правительство не только не имѣетъ руководящихъ началъ, но даже держитъ народъ то въ одну сторону, то въ другую! Помилуйте, — да сама «Страна», — невозбранно пріостановленная на 4 мѣсяца, — не позволила себѣ выразиться сильнѣе! За что же «Страну» запретили, а «Моск. Вѣд.» нѣтъ?!

За то ли, что «Страна», послѣ своихъ безотрадныхъ словъ объ «управляющихъ сферахъ», представляетъ въ безотрадномъ видѣ и «ничтожество образованнаго общества, не рѣшающагося энергически дѣйствовать для доставленія торжества своимъ идеямъ», тогда какъ г. Катковъ, повидному, не предполагаетъ никакого самостоятельнаго дѣйствія для общества, которое, по его словамъ, всегда «воспитывается и направляется государствомъ»? Но г. Катковъ далеко не простъ: конечно, и ему и его поклонникамъ приходится въ голову мысль: какъ же сдѣлать, чтобъ госу-

ихъ учебныхъ помѣщеній, и работы съ этихъ поръ стали исполняться съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ».

Въ 1881 г. ремесленные депутаты Берлина собрали свѣдѣнія о положеніи рабочихъ этого города и составили подробную таблицу, изъ которой мы здѣсь приведемъ лишь нѣсколько цифръ (заимствуемъ ихъ изъ брошюры Kleinwächter'a):

Продолжительность рабочаго дня.	Средній недѣль- ный заработокъ.
Сапожники . . 13—17 час.	12—15 марк.
Кожевники . . 12—13 »	—18 »
Каменьщики . 12—13 »	—19 ¹ / ₂ »
Кровельщики . —12 »	—22 »
Штукатуры . . 9—10 »	18—27 »

Цифры эти показываютъ, что отношеніе между размѣромъ заработной платы и продолжительностью рабочаго дня часто бываетъ обратное. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что тутъ говорится объ одномъ и томъ же городѣ, гдѣ цѣны продуктовъ первой необходимости одинаковы для всѣхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что сокращеніе рабочаго дня не уменьшаетъ, но скорѣе увеличиваетъ заработную плату; не вредитъ производству, но усиливаетъ его и можетъ быть даже выгоднымъ для предпринимателя.

Объясненіе этого, на первый взглядъ, невѣроятнаго факта приходится искать въ чемъ угодно, но только, конечно, не въ желѣзномъ экономическомъ законѣ, понимаемомъ въ абсолютномъ смыслѣ доктринеровъ. В. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“.

Отъ редакціи „Вольнаго Слова“. Мы получили отъ семейства А. И. Герцена и г-на Тхоржевскаго большое количество бумагъ бывшей редакціи „Колокола“ (Герцена, Огарева и Бакунина), которыя составляютъ интересный матеріалъ для исторіи общественнаго движенія въ 60-хъ годахъ. Количество этихъ бумагъ слишкомъ велико, чтобъ быть помѣщено въ нашей газетѣ; по всей вѣроятности, онѣ составятъ особый томъ, который въ недалекомъ будущемъ выйдетъ въ Женеvѣ. Пока же, чтобъ познакомить публику съ этимъ матеріаломъ, мы напечатася нѣкоторыя выдержки изъ него въ „Вольномъ Словѣ“.

I.

Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. И. Герцену.

8 декабря 1860. Иркутскъ.

Другъ Герценъ — Записка твоя застала меня, когда я кончалъ прилагаемый отвѣтъ въ „Колоколъ“. Говорить о моей глубокой, тревожной радости при видѣ твоего драгоценнаго почерка было бы лишнимъ. Но она ободрила меня еще и въ другомъ отношеніи, возбудила во мнѣ надежду, что слова мои найдутъ въ тебѣ вѣру. Это мое третье письмо къ тебѣ; первое, по крайней мѣрѣ въ 20 листовъ, до тебя не дошло, второе листовъ въ 12 взялъ съ собой твоей знакомый ***** тому назадъ три недѣли *). Надѣюсь, что оно

*) Второе письмо, о которомъ говоритъ В.—изъ, находится въ нашей коллекціи, равно какъ и „Отвѣтъ „Колоколу“, — писанный по поводу замѣтокъ лондонской газеты о Муравьевѣ (15 апрѣля 1859 года, 1 апрѣля 1860; см. также „Подъ Судъ“, № 2), особенно второй: „Тираниство Сибирскаго Муравьева“ (дѣло идетъ о выслѣлкѣ Петрашевскаго

дойдетъ до тебя, если не прежде, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ этимъ; оно не конечно, но конецъ пришлю скоро, благо нашелъ дорогу къ тебѣ. Всѣ три письма имѣютъ главнымъ предметомъ Муравьева Амурскаго, па котораго ты съ нѣкотораго времени, по какому то странному ослѣпленію, сталъ нападать жестоко и несправедливо. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что твои нападенія лишены всякаго основанія и совершенно противны истинѣ, — Муравьевъ, повторяю тебѣ въ третій разъ, единственный человѣкъ между всѣми пользующимися силою и властью въ Россіи, котораго безъ малѣйшей натяжки и въ полномъ смыслѣ этого слова, мы можемъ и должны назвать безусловно правымъ. Онъ знаетъ по чувствамъ, по мыслямъ, по всѣмъ прошедшимъ дѣламъ, по стремленіямъ, желаніямъ и твердымъ намѣреніямъ. Какимъ же образомъ ты не узналъ его, вѣдь право стыдно, Герценъ. — Еслибъ ты зналъ, какъ любитъ онъ „Колоколъ“ и какъ прискорбенъ ему всякій промахъ, компрометирующий его, какъ симпатично уважаетъ тебя, и какъ ему горько было услышать твои незаслуженныя обвиненія, клеветы, раздавившія именно въ то время, когда возсталъ противъ него со всѣхъ сторонъ зависть и подлая интрига подъ предводительствомъ нашего Philippe Egalité, самого Вел. Кн. Константина Николаевича. „Своя своихъ не познаша“ — вотъ его слова о тебѣ. — Теперь онъ оставляетъ Сибирь и службу, ѣдетъ за-границу и непременно хочетъ увидѣться съ тобою, ты познакомишься съ нимъ и скажешь, что это человѣкъ полный во всѣхъ отношеніяхъ — и сердцемъ и умомъ и характеромъ и энергіею. — Онъ крѣпко знаетъ и лучший и сильнѣйшій изъ насъ — въ немъ будущность Россіи. Онъ рѣшился оставить на время службу, не смотря на то, что ему хотѣть предложить Министерству Внутреннихъ дѣлъ. Онъ твердо рѣшился не принимать ничего, пока не измѣнится радикально правительственная система, пока не примется его программа. Программа же, въ немногихъ словахъ, слѣдующая: 1. Полное и безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею. 2. Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ, отъ малаго до великаго. 3. Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4. Народное самоуправленіе, съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможною децентрализациею Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и не парламентъ, а желѣзная диктатура, въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ воссоединенной

за Красноярскъ). Обѣ рукописи Бакунина содержатъ подробное восхваленіе Муравьева и осужденіе его противниковъ, въ томъ числѣ полит. ссыльных: Дм. Ир. Завалишина и особенно Петрашевскаго. На „Отвѣтъ“ чьею то рукою написано: „Статья эта прислана мнѣ для передачи. Это и есть единственная причина, почему я ее посылаю. Въ цѣломъ и въ частяхъ это — компиляція близорука и пристрастна, которая никогда не должна увидѣть печатнаго станка“. — Въ „Колоколѣ“, впрочемъ, были помѣщены статьи въ защиту Муравьева: въ „Подъ Судъ“ № 6 — 7 п, наконецъ, большая статья съ документами „Императорскій Кабинетъ и гр. Муравьевъ Амурскій“, № 87—88, 15 дек. 1860, — съ примѣчаніемъ редакціи, обращавшимъ вниманіе государя на эту статью. (Ред.)

Польши, и борьбы на смерть съ Австріею и съ Турціею. — Вотъ вся программа серьезнаго государственнаго человѣка, доказавшаго, что онъ умѣетъ исполнять свои замыслы. *) — Я отвѣчаю Вамъ за искренность Муравьева, потому что знаю его какъ своего лучшаго друга. Каково же мнѣ, Вашему другу, другу Вашего „Колокола“, честь и вліяніе котораго въ Россіи, повѣрьте, мнѣ не меньше дороги, чѣмъ Вамъ самимъ, — видѣть, какъ обманутые, ослѣвленные, Вы проповѣдуете ложь и клевету, нападая на единственнаго человека между всѣми въ Россіи, стоящаго, чтобъ мы стояли за него горю! — Теперь подумай, Герценъ, — если ты мнѣ повѣришь, въ такомъ случаѣ не печатай моего отвѣта въ „Колоколъ“; ты сумѣешь и безъ него дать Муравьеву полное удовлетвореніе, такъ какъ именно ты долженъ дать такому человѣку, какъ Муравьевъ, sans reticences et sans équivoques, соблюдая при томъ осторожность, чтобъ не слишкомъ компрометировать его передъ правительствомъ; — но если ты не повѣришь мнѣ или повѣришь только въ половину, такъ что въ душѣ твоей будутъ оставаться сомнѣнія, тогда, именемъ всего что насъ связывало и связываетъ, я требую отъ тебя, чтобъ ты напечаталъ безъ выписокъ въ весь мой отвѣтъ, и если это покажется необходимымъ, пожалуй, хотъ и за мою подписью. Есть случаи, когда осторожность и всѣ другія соображенія должны идти въ чорту. Напечатаніе отвѣта моего будетъ со-

*) Въ упомянутомъ выше письмѣ, В.—изъ тоже излагаетъ „политическую программу“ М.—въ почти тѣмъ же словами и прибавляетъ: „Въ высшей административной сферѣ онъ желаетъ слѣдующихъ реформъ: во первыхъ, уничтоженія министерствъ (онъ отъявленный врагъ бюрократіи, другъ жизни и дѣла) и на первыхъ порахъ не конституціи и не болѣе дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры, подъ какимъ бы то ни было именемъ, а для достиженія этой цѣли, совершеннаго уничтоженія Николаевскаго, пожалуй, и Александровскаго вольноотпущеннаго Петербургскаго жандармеріи. Онъ не вѣритъ не только въ Московскихъ и Петербургскихъ бояръ, но и въ дворян вообще, какъ въ сословіе, и называетъ ихъ блудными сынами Россіи. Вообще онъ питаетъ одинаковое и вполне заслуженное презрѣніе ко всѣмъ приращиваемымъ сословіямъ, или какъ онъ ихъ называетъ, несѣкомымъ сословіямъ, и не вѣритъ въ публику и вѣритъ только въ сѣкомый народъ, „любить, въ немъ единственно видитъ будущность Россіи. Онъ не жалеетъ добра отъ дворянскаго бюрократическаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, надѣется, что крестьянскій топоръ взрушитъ Петербургъ и слѣдуетъ въ немъ возможно ту разумную диктатуру, которая, по его убѣжденію, только можетъ спасти Россію, погибающую нынѣ въ грязи, въ воровствѣ, во взаимномъ притѣсненіи въ безплодной болтовнѣ и пошлости. Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобъ восстановить силу Россіи въ Европѣ, а силу эту хотѣлъ бы ему направить прежде всего противъ Австріи и Турціи, для освобожденія Славянъ и для установленія не единой Паназиатической Имперіи, но вольной, хотя и крѣпко соединенной Славянской Федерациі. Онъ другъ Венгерцевъ, другъ Поляковъ и убѣжденъ, что первымъ шагомъ русскаго вѣдѣнія разумной политикіи должно быть возстановленіе и освобожденіе Польши. — Нравится Вамъ эта программа? — И вспомните, что это программа не кабинетнаго идеалиста и фантазера, которому легко, все возможно, потому что онъ никогда ничего не сдѣлалъ; нѣтъ, это мысли, громко высказываемыя мыслями Генералъ-Губернатора, опытнаго, испытаннаго государственнаго человѣка, который болтовни не терпитъ, у котораго вся жизнь слово было дѣломъ, воля у котораго желѣзная, а умъ граничитъ почти съ гонимыми“. (Ред.)

прижено, я знаю, съ большими неудобствами. Во первыхъ, оно можетъ еще на нѣсколько лѣтъ приковать меня къ Сибири; во вторыхъ преждевременно компрометируетъ Муравьева передъ правительствомъ, — и насъ всѣхъ въ лицѣ Петрашевскаго передъ русскою публикою; наконецъ, сильно компрометируетъ «Колоколъ», такъ грубо, такъ нестыдно, такъ самоубійственно ошибающійся. — А все таки я требую напечатанія, если въ своемъ сердцѣ и въ своемъ умѣ ты не найдешь другого средства дать Муравьеву полное удовлетвореніе; во всякомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ чести, одинъ поступокъ той или другой стороны ведетъ за собою необходимо непріятный, часто тяжелый послѣдствіи для обѣихъ сторонъ, но отъ этихъ послѣдствій ни та, ни другая сторона не имѣетъ права отказаться. Ты напечаталъ нападеніе, печатай же и отвѣтъ, или сознайся громко, что ты былъ подло обманутъ и непростительнымъ образомъ ошибся. — Вотъ чего я жду отъ твоей справедливости, отъ твоего благородства, наконецъ, отъ твоей преданности общему дѣлу. Ты напишешь судья, Герценъ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспомни, что и мы твои судьи: между нами солидарность взаимной отвѣтственности, которой ни ты, ни мы разорвать не можемъ. — Но довольно объ этомъ частномъ случаѣ, поговоримъ вообще о положеніи «Колокола». Со всѣхъ сторонъ слышно, что въ послѣднее время «Колоколъ» много утратилъ вліянія. Одна изъ причинъ такого паденія заключается безъ сомнѣнія въ ложныхъ корреспондентяхъ; двухъ, трехъ такихъ промаховъ, какъ въ отношеніи Муравьева и Вост. Сибири, достаточно, чтобы убить Ваше изданіе. — Вы должны соблюдать большую осторожность въ выборѣ Вашихъ корреспондентовъ. Говорить, что Россія оттаиваетъ, но подъ льдомъ всегда много навоза, а навозъ воняетъ. — Виолнѣ русская жизнь, виолнѣ русскія мелкія интриги и страсти, виолнѣ родная вонючая грязь, — отстой поддыхъ интересовъ и мелкаго, но неумолимаго тщеславія — пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертвцаго сердца и великодушныя фразы, — мелкія дѣла и громкія слова, — все это теперь просится наружу, и такъ какъ другого свободнаго органа кромѣ вашего до сихъ поръ еще нѣтъ, все это стремится въ «Колоколъ», — а скрыться подъ маскою либерализма и демократизма нынѣ не мудро, — кто не знакомъ съ благородными словами и фразами! Они стали такъ дешевы, такъ безопасны и безвредны, такъ часто кстатн и некстатн слышатся во всѣхъ углахъ, даже въ Сибири, что право прозвонить ихъ самому какъ то становится стыдно. Казенный либерализмъ, казенный демократизмъ, все слова, слова, да слова, а за ними такая гнусная, мелочная дѣйствительность, что становится тошно: слова въ Россіи дѣйствуютъ на меня какъ рвотное, — тѣмъ эффектнѣе и сильнѣе, тѣмъ тошнѣе. — Вѣрить должно только тому, въ комъ есть залогъ, что слово у него перейдетъ въ дѣло; въ отношеніи же другихъ я поступилъ бы такъ: чѣмъ красивѣе кто сказалъ слово, тѣмъ выше постропилъ бы я для него висѣлицу. Многие ли изъ Вашихъ корреспондентовъ способны, готовы къ благородному дѣлу, къ

которому, кажется, обязываютъ ихъ великодушныя фразы, — а вы ихъ слушаете. — Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: въ Лондонѣ судить лица дѣйствующія въ Россіи. Пока дѣйствовали все люди вамъ знакомые, временъ Николаевскихъ, Клейнмихеля, Орловы, Закревскіе, Панины etc. etc. — Вамъ было легко, по теперь выступаютъ на арену люди Вамъ очень мало или совсемъ неизвѣстные. Вы должны ихъ судить по даннымъ, присланнымъ Вамъ изъ Россіи. Кто Вамъ поручится за вѣрность данныхъ? — Не должны ли же Вы имѣть нѣсколько единомыслящихъ людей въ Россіи, знающихъ край и одаренныхъ практическимъ талантомъ и смысломъ, въ добросовѣстности и въ справедливости которыхъ Вы были бы увѣрены, какъ въ своихъ собственныхъ и которые бы провѣрили и укрѣпили своимъ свѣдѣтельствомъ всѣ извѣстія Вамъ послышавшіяся? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу въ Россіи. — А такихъ людей вѣдь не легко найти между пишущей братіею, даже между остатками нашихъ бывшихъ кружковъ — большая часть изъ нихъ окочевѣла, помертвѣла и живутъ и дѣйствуютъ и болтаютъ, какъ мертвые между мертвыми.

Странное явленіе представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, официальная и не официальная! Это царство тѣней, въ которомъ подосія живыхъ людей двигаются, говорятъ, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ; есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти; нѣтъ дѣйствительности, ни общаго преобладающаго характера, ни характеровъ. Все литература, писаніе, да болтаніе, а ни капли жизни и дѣла — нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса. — И говорить даже ни съ кѣмъ не хочется, потому что напередъ знаешь, что изъ словъ не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братія бьетъ себя страстно въ пустую грудь, а грудь издастъ громкій звонъ, потому что въ ней нѣтъ сердца; въ головахъ полированные засушники съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ силы, а въ жилахъ нѣтъ крови — все тѣни, краснорѣчивыя, пустозвонныя тѣни, и самъ между ними становившійся тѣнью. Они ведутъ теперь мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала, собраннаго Стапкевичемъ, Вѣлнскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, единственная дѣйствительная страсть между такъ называемыми людьми порядочными; точно также какъ карманная страсть неслучайно преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. Отъ тѣней ли ждать чудесъ? А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, воли. — И ничего не жду отъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ, вѣрю же въ спящую силу народа, вѣрю въ среднее сословіе, — не въ купечество, оно гнилѣе даже дворянства, — но въ фактическое, официально не признанное среднее сословіе, образующееся постоянно изъ отпускныхъ людей, прикащиковъ, мѣщанъ, поповскихъ дѣтей —

въ нихъ сохранились еще и русскій смѣтливый умъ, и русская удалая предприимчивость; вѣрю также, что въ самомъ дворянскомъ сословіи кроется много *) наполненный тщеславнымъ самообольщеніемъ. Странное зрѣлище представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! — При Николаѣ можно было предположить, что она заключаетъ въ себѣ много невыясненныхъ тайнъ, много сдержанныхъ, спертыхъ силъ. — Теперь она открыта, и чтожъ мы видимъ! Это царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей говорятъ, двигаются, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ. Есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти — нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ ни характера, ни характеровъ. Все литература, многописаніе, многоболтаніе, но ни капли жизни и дѣла. Нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса, кромѣ къ себѣ, — такъ что и самъ между ними становившійся тѣнью, и даже говорить ни съ кѣмъ не хочется, потому что чувствуешь, что никому нѣтъ ни до чего дѣла, и знаешь напередъ, что изъ словъ никогда не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братія бьетъ себя страстно въ пустую грудь и грудь издастъ громкіе звуки, потому что въ пей нѣтъ сердца. Въ головахъ полированные засушники, съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ силы, въ жилахъ — все тѣни, краснорѣчивыя, пустословныя тѣни. Теперь они ведутъ мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала собраннаго Вѣлнскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, — единственная дѣйствительная страсть между людьми, называющимися порядочными, точно также какъ карманная страсть преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. — Отъ тѣней ли ждать чудесъ? — А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, воли. — Страшна будетъ русская революція, а между тѣмъ по неволѣ ее призываетъ, ибо она одна въ состояніи будетъ пробудить насъ изъ этой гибельной летаргіи къ дѣйствительнымъ страстямъ и къ дѣйствительнымъ интересамъ. Она вызоветъ и создастъ, можетъ быть, живыхъ людей, большая же часть нынѣшнихъ извѣстныхъ людей годна только подъ топоръ. Таково мое убѣжденіе. И спрашиваю, даже много ли уцѣлѣло изъ нашихъ? Дѣятельность утомляетъ, сжигаетъ людей, но русская обыкновенная пошлость ихъ стираетъ и сталтываетъ. — Тургеневъ, Кавелинъ, Коршъ живые ли люди? — Вашихъ прочихъ друзей и знакомыхъ я не знаю, жизни сохранилась ли въ нихъ? Мнѣ обѣщаютъ, что въ пишущую весну я получу позволеніе ѣхать въ Россію, буду искать людей, для меня это интересъ первостепенный. — Здѣсь, кромѣ Муравьева, я узналъ еще одного человѣка, это молодого

*) На этихъ словахъ оканчивается первый листъ письма. Затѣмъ второй, другаго формата, но нумерованный — 2 начинается, какъ напечатано далѣе, — представляя въ началѣ варьянтъ окончанія перваго листа. (Ред.)

генерала Николая Павловича Игнатьева, сына Сапкты - Петербургскаго генерала - губерпатора, и если я не ошибаюсь, твоего знакомого, Герценя. Онъ возвращается теперь изъ Китая, гдѣ онъ надѣлалъ чудесъ. Съ 19 козаками, въ виду англійскаго и французскаго посланниковъ лорда Ельгина и барона Gros, съ ихъ арміями, онъ сумѣлъ сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для Россіи наибольшія выгоды, несравненно большія, чѣмъ сами французы и англичане. О трактатѣ имъ заключенномъ Вы узнаете изъ газетъ, но о чемъ не услышите—это о безпримѣрномъ варварствѣ англійскихъ, особливо же французскихъ войскъ въ Китаѣ. Первые довольствовались болѣею частію грабежомъ, и состоятъ при томъ по преимуществу изъ сипаевъ,—по вторые, чистые французы, по всей дорогѣ до Пекина насилывали женщинъ и потомъ топили, убивали ихъ, отрѣзвали у нихъ ноги.—Этимъ воспользовались русская смѣтливость и русская дисциплина; во главѣ 19 козаковъ, Игнатьевъ явился какъ спаситель Китая—и теперь мы стали ужъ совершенно крѣпкою ногою на Тихомъ океанѣ. — Но возвратимся къ Игнатьеву; это человекъ молодой, лѣтъ тридцати, вполне симпатичный и по высказываемымъ мыслямъ и чувствамъ, по всему существу своему, смѣлый, рѣшительный энергичный и въ высшей степени способный. — Онъ честенъ, по благородно-горячій патриотъ, требующій въ Россіи реформъ демократическихъ и со-вѣтъ политики славинской, однимъ словомъ—съ легкими различіями того же, чего требуетъ Муравьевъ. — Они сошлись и будутъ дѣйствовать за одно. — Вотъ съ такими то людьми не худо бы вамъ было войти въ постоянныя сношенія, — они не резонёрствуютъ, мало пишутъ, но за то много знаютъ и, рѣдкая вещь въ Россіи, много дѣлають.*) — Теперь, что скажу Вамъ о себѣ, друзья? —

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Голодный протестъ въ Одесской тюрьмѣ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ получилъ извѣстіе изъ Одессы о томъ, что политическіе арестанты въ тамошней тюрьмѣ, въ виду притѣсненій ихъ и жестокаго съ ними обращенія, рѣшили не принимать пищи. Разсказываютъ, будто ген. Гурко, получивъ о томъ докладъ, сначала замѣтилъ съ язвительною улыбкой, что «тѣмъ лучше, если они добровольно рѣшились умереть», но на четвертый день сдѣлалъ распоряженіе объ улучшеніи содержанія заключенныхъ и о какихъ то уступкахъ,

*) Считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ помѣщенный въ «Русской Старинѣ», 1882 г.—XII, 644—646, разсказъ А. Н. Муравьева (умершаго въ Кіевѣ извѣстнаго путешественника въ Иерусалимъ и Содоми и доносчика) о томъ, какое участіе принималъ ген. Н. И. Игнатьевъ, тогда директоръ азіатскаго департамента въ м. вл. д. въ подорожаніи Александру II мысли о назначеніи антипатичнаго ему М. Н. Муравьева на мѣсто диктатора въ Визьмѣ. Уже этимъ участіемъ Н. И. И. достаточно разорвалъ свою связь съ программой, которую выше изложилъ Б — нъ, и тѣмъ даетъ намъ полное право на печатаніе отпосланныхъ къ нему мѣста въ письмѣ Б — на. Оно, конечно, не повредитъ ему по службѣ, а скорѣе послужитъ въ пользу;—скажутъ: вотъ какъ увлекался человекъ въ 1861 г., и уже въ 1863 г. отрезвился вполне!

(Ред.)

размѣръ которыхъ намъ не извѣстенъ. Во всякомъ случаѣ на четвертый день «голодный протестъ» прекратился.

Прокламація въ Одессѣ. Въ цюрихскомъ «Der Sozialdemocrat», № 5, напечатаны подробности о прокламаціи, появившейся недавно въ Одессѣ. Прокламація эта, очевидно, относится къ упомянутому «голодному протесту» и изображаетъ ужасное положеніе пол. арестантовъ, по большей части тяжело больныхъ, въ холодныхъ камерахъ, безъ постелей, на отвратительной пищѣ, и безчеловѣчье чиновниковъ, особенно смотрителя Суботческаго и медика Розена. Последній доходитъ до такихъ издѣвательствъ надъ больными, что совѣтуетъ имъ высасывать свои пармы, а на заявленіе одного арестанта о желаніи имѣть другаго врача отвѣчалъ: «Вамъ надо не врача, а палача».

О студенческихъ волненіяхъ въ Казани мы получили обстоятельныя свѣдѣнія, по которымъ оказывается, что студентъ Воронцовъ лишентъ былъ земской стипендіи ректоромъ Опрсовымъ совершенно нерезонно. Правда, онъ остался на курей, но объяснился съ своимъ земствомъ, которое и прислало само ректору сумму стипендіи для г. Воронцова, но г. Опрсовъ ее не выдалъ, а отослалъ назадъ земству. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, ни одинъ студентъ въ Казани не былъ ни убитъ, ни раненъ, — а слухи въ такомъ родѣ были пускаемы въ другихъ университетахъ «людьми, желавшими волненій». Прибавимъ, что мин. вн. дѣлъ запрещеніемъ газетамъ писать о студенческихъ волненіяхъ прямо помогало этимъ людямъ,—конечно, въ видахъ своего рода агитаціи противъ «университетской автономіи».

Русская полиція въ Румыніи. Намъ пишутъ изъ Румыніи, что тамошній русскій посланникъ кн. Урусовъ, послѣ совѣщаній съ прибывшими къ нему русскими конеулами въ Добруджѣ гг. Сорокинымъ и Шафировымъ, обратился къ румынскому правительству съ просьбой произвести, при участіи русскаго посольства, обыски у двухъ русскихъ эмигрантовъ, живущихъ въ Румыніи. Просьбу свою г. Урусовъ мотивировалъ тѣмъ, что день коронаціи царя уже назначенъ и потому онъ желаетъ узнать, не предпринимается ли чего нибудь по этому поводу со стороны р. эмигрантовъ, причемъ, хотя онъ и не предполагалъ какихъ нибудь прямыхъ дѣйствій со стороны двухъ вышеупомянутыхъ лицъ, но думаетъ, что, при связяхъ этихъ лицъ съ другими эмигрантами, — при обыскѣ у нихъ могутъ быть найдены письма, могущія указать на заговоры, еще не раскрытые. Отвѣтъ румынскаго правительства еще не извѣстенъ, но, по всей вѣроятности, ходатайство русскаго посольства будетъ отклонено, тѣмъ болѣе, что дѣло это уже затянулось, а кн. Урусовъ уѣхалъ въ Вѣну для свиданія съ г. Гирсомъ.

Толстой-Христосъ и Толстой-Каифа. Въ послѣднія дѣли и либеральныя и консервативныя русскія газеты съ умилениемъ и соболѣзнованіемъ упоминали о томъ, что извѣстный беллетристъ гр. Л. Толстой сочинилъ какое то новое христіанство, совѣмъ будто бы христіанское и даже православное, и въ то же

время оригинальное, но только на бѣду цензуры не пускаетъ его въ свѣтъ и даже намеки на него, помѣщенные въ исторіи его изобрѣтенія, написанной самимъ авторомъ для «Русской Мысли», были арестованы и сожжены по приказу цензуры, какъ нечестно, подпавшихъ другому Толстому, — гр. Дм. А.—чу. Во всей этой исторіи самымъ оригинальнымъ намъ кажется не то, что русскій современный беллетристъ новое, и при томъ столь удивительное евангеліе сочинилъ, ни даже то, что онъ совмѣстилъ въ себѣ Христа и евангелиста Луку, а то, что онъ никакъ не ухитрился повѣдать міру свое евангеліе безъ разрыванія своего Каифа! По истинѣ, — исходите мысленно весь свѣтъ, помните исторію всѣхъ пророковъ ученій и откровеній, — а такого примѣра нигдѣ не найдете! А вотъ же въ Россіи нашелся!

Судъ русскихъ газетъ о Гамбеттѣ. Пересматривая многочисленныя статьи русскихъ газетъ о Гамбеттѣ, поражаешься ихъ безусловнопанегрическимъ тономъ. Особенно поразителенъ этотъ тонъ въ газетахъ, причисляющихъ себя къ либеральному направлению: видно, что вся европейская разноосторонняя критика авторитаризма Гамбетты и его совершенно формальной, бюрократическо-централизованной республики — прошла по русскимъ публицистамъ какъ вода по губамъ. Вотъ почему какъ нельзя болѣе кстати появились въ № 1 «Руси» замѣтки о разговорѣ Гамбетты съ Скобелевымъ, въ которомъ «великій республиканецъ» сказалъ, между прочимъ, русскому генералу: «счастливы вы, что у васъ нѣтъ парламента». Какъ таки русскимъ либераламъ не понять того, что понималъ, напр., даже консервативный «Journal de Genève», — а именно, что централизованная республика Гамбетты, какъ и болѣе крайнихъ якобинцевъ, — ничѣмъ не отличается отъ имперіи, кромѣ имени. Видъ потому теперь во Франціи и поднялся такой сумбуръ, что эту вещь поняли и почувствовали всѣ партіи, — а въ то же время только немногіе пріеязнныя политики изъ республиканцевъ готовы ринуться на истинно республиканскую, т. е. либеральную и федеративную политику.

Лионскій процессъ т. наз. интернаціоналистовъ-анархистовъ окончился всеобщимъ неудовольствіемъ ожиданій консерваторовъ и радикаловъ, социальныхъ демократовъ и анархистовъ, эволюціонистовъ и революціонеровъ, пронагандистовъ и парлефетисговъ. На немъ не только не оказалось ни Интернаціонала, ни тѣмъ болѣе динамита, ни какого бы то ни было парлефетизма, но даже очень мало социализма, а только довольно абстрактная проповѣдь свободы и любви къ ближнему, чужъ не христіанской, при ожиданіи какой то социальной революціи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Довольными этимъ процессомъ могли остаться только провокаторы, — малкіе, которые никакъ не смѣли писать угрожающія письма, и крупныя, которые, приговоривъ совѣмъ невинныхъ и въ большинствѣ случаевъ совершенно беззащитныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей къ тяжкимъ наказаніямъ, внесли раздраженіе въ рабочія массы, затронутыя социалистическою пропагандою. Во всякомъ случаѣ утѣшительнымъ результатомъ процесса можно бы было считать обнаруженіе, что и партіи и пронагандистовъ, и напомнимъ, во Франціи нѣтъ и собственно быть не можетъ, если бы не опасеніе, что такую партію уснѣютъ наконецъ образовать конторскіе такихъ процессовъ и приговоры, по тому, какъ русское правительство образовало у себя партію «террористовъ». — Нѣсколько подробнѣе объ этомъ процессѣ, находящемъ въпрочемъ, крайне отдаленное отношеніе къ существеннымъ дѣламъ нашего отечества, мы поговоримъ въ будущемъ №-рѣ, если намъ позволитъ мѣсто.

Редакторъ М. Драгомановъ.